

Н. Бердяевъ.

Идеи и жизнь

БЕРДЯЕВЪ Н.

Идеи и жизнь.

Хомиковъ и свящ. П.А. Флоренскій.

Сп. рукоп. ф. 1
1949

д. 13/5 19102

21252/2

30794

всего болѣе страшный его уклонъ къ имманентизму. И вотъ вопрошаетъ онъ о Хомяковѣ: „основалъ ли онъ новую школу богословія, наконецъ воистину православнаго, а не католическаго и не протестантскаго, или же

9225

31/XIII/41
21252/2

Львн. Біблотека
Ап. УРСР

Львівська бібліотека
Апостолів Української
Рівноправної Церкви

3(2)50-568+
3(2)6-648 06

И д е и ж и з н ь .

Хомяковъ и свящ. П.А. Флоренскій.

"Вы не приняли духа рабства, что-
бы опять жить въ страхъ, но приняли
Духа усыновленія,

которымъ взываемъ: Авва, отче! сей самый
Духъ свидѣтельствуеть духу нашему, что мы—
дѣти Божіи".

Ап. Павелъ. Посланіе къ римлянамъ.

I.

Статья свящ. П. Флоренскаго о Хомяковѣ (въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за іюль—августъ 1916 г.), написанная въ формѣ рецензіи на огромное изслѣдованіе проф. В. Завитневича, — не только крупное событіе, но и настоящій скандалъ въ право-православномъ, славянофильствующемъ лагерѣ. Учитель церкви нео-славянофиловъ, глава и вдохновитель московскаго кружка возродителей православія, совершилъ актъ отреченія отъ учителя церкви старыхъ славянофиловъ—Хомякова. Свящ. П. Флоренскій не только отрекся отъ Хомякова, но и призналъ идеи его опасными по своимъ послѣдствіямъ для православной церкви, провозгласилъ его имманентистомъ нѣмецкаго типа. Въ православныхъ кругахъ Хомякова до сихъ поръ считали величайшимъ и даже единственнымъ православнымъ богословомъ. Свящ. П. Флоренскій объявляетъ его богословомъ не-православнымъ, обвиняетъ его въ протестантскомъ уклонѣ. По мнѣнію свящ. П. Флоренскаго, Хомяковъ рискуетъ „вырвать изъ почвы и пшеницу православія, хотя бы, напримѣръ, своимъ отрицаніемъ авторитета въ церкви, яко бы не имѣющагося въ православіи, а вмѣстѣ съ нимъ, слѣдовательно, и начала страха, начала власти и обязательности каноническаго строя“ (стр. 528). Ясно, что свящ. П. Флоренскій хотѣлъ бы положить предѣлъ безбрежной свободѣ въ православіи, которую уловилъ и выразилъ Хомяковъ. Хомяковъ придавалъ очень большое значеніе въ жизни церкви человѣку, человѣческой свободѣ, взаимной человѣческой любви. Въ этомъ видитъ свящ. Флоренскій

Львівська державна
наукова бібліотека

5952

30794

всего болѣе страшій его уклонъ къ имманентизму. И вотъ вопрошаетъ онъ о Хомяковѣ: „основаль ли онъ новую школу богословія, наконецъ воистину православнаго, а не католическаго и не протестантскаго, или же

9225

31/XII/41
21252/2

Львів. Бібліотека
АН УРСР

Львів. Бібліотека
АН УРСР

не только съ Хомяковымъ, но и съ Достоевскимъ, онъ принужденъ искать иныхъ истоковъ, въ епископѣ Теофанѣ Затворникѣ, въ митрополитѣ Филаретѣ, въ православіи официальномъ; онъ и апостола Павла долженъ будетъ признать недостаточно православнымъ. Онъ послѣдовательно истолковываетъ христіанство, какъ религію необходимости, принужденія и покорности. Онъ не вѣренъ традиціямъ великой русской литературы, онъ отвращается отъ ея религіознаго содержанія, отъ раскрывшейся въ ней религіозной жажды. Онъ, именно онъ—отщепенецъ, измѣнившій завѣтамъ русской религіозной души, ея духовнымъ алканіямъ, ея взысканіямъ Града Грядущаго.

II.

Очень характерно отношеніе свящ. П. Флоренскаго къ ученію Хомякова объ „иранствѣ“ и „кушитствѣ“. Въ „иранствѣ“ видѣлъ Хомяковъ начало свободы творящаго человѣческаго духа, въ „кушитствѣ“ же видѣлъ онъ начало необходимости, власти естества, низшаго магізма. Эти двѣ основныя линіи, свободы и необходимости, опредѣлили исторію религіи и весь складъ культуръ. Для Хомякова православіе, какъ самое чистое выраженіе христіанства, цѣликомъ находится въ линіи „иранства“, въ немъ торжествуетъ духъ „иранскій“, свобода творящаго человѣческаго духа. Отецъ П. Флоренскій пребываетъ въ кушитской стихіи, въ необходимости и въ православіи видитъ торжество „кушитства“. „Иранство“ Хомякова онъ беретъ подъ подозрѣніе, какъ уклонъ къ имманентизму и протестантизму. Православіе и самодержавіе отца Флоренскаго цѣликомъ погружено въ кушитскую стихію, въ магізмъ вѣчной необходимости. Но нужно признать, что къ самому факту русскаго историческаго православія и самодержавія построеніе отца Флоренскаго во многихъ отношеніяхъ стоитъ ближе, чѣмъ построеніе Хомякова. Философія исторіи Хомякова совершенно устарѣла и живой остается лишь его религіозная настроенность. Отецъ П. Флоренскій хочетъ послѣдовательно и до конца смириться передъ фактомъ и поклониться факту, онъ обоготворяетъ фактъ, какъ изначально мистическій. Онъ бѣжитъ отъ своей свободы къ необходимости всякой фактической данности. Въ міровой борьбѣ свободы и необходимости онъ рѣшительно становится на сторону необходимости. И путь этотъ долженъ привести не къ Христу, а къ Великому Инквизитору. Путь избранный отцомъ Флоренскимъ явствуетъ изъ его вопрошаній Хомякову. „Чѣмъ былъ самъ Хомяковъ? — охранителемъ ли и углубителемъ корней святой Руси, или, напротивъ, искоренителемъ исконныхъ ея основъ, во имя мечтательнаго образа проектируемой Россіи будущаго? Смиренно ли воспринимать онъ святыню русскаго народа, желая очистить ее отъ случайной грязи, налегшей на

нее извинѣ, или же съ гордостью реформатора пытался предписать Руси нѣчто, имъ самимъ или ими самими,—Московскимъ кружкомъ славянофиловъ,—придуманное? Вѣдь *отъ* себя указывать церкви, какой ей быть, хотя бы и по чистѣйшимъ своимъ побужденіямъ, это значить не признавать церкви, а признавать себя; предписывать Царю свои требованія, хотя бы они сводились къ требованію самодержавія царскаго, — это значить отрицать самодержавіе“ (стр. 529). Вотъ самая послѣдовательная религія рабства и униженія человѣка. Но рабья покорность всегда ведетъ къ рабьему бунту. Путь отца Флоренскаго очень опасенъ именно для консервативныхъ церковныхъ и государственныхъ началъ; онъ довелъ уже до величайшихъ униженій русскую церковь и русское государство и благопріятенъ онъ лишь для революціонно-отрицательныхъ настроеній. Когда закрываются пути творчества, пути обновленія и возрожденія, то торжествуютъ пути разрушенія и отрицанія. Требованіе рабьяго преклоненія передъ фактической церковной дѣйствительностью, послушанія данности ведетъ лишь къ отпаденію отъ церкви, къ невѣрію или дробленію религіозной энергіи въ многочисленныхъ сектахъ. Въ церкви можно и должно оставаться лишь въ томъ случаѣ, если въ ней возможно движеніе, возможно творчество.

Хомяковъ утверждалъ идею православія и идею самодержавія, ко многому же въ фактическомъ православіи и фактическомъ самодержавіи онъ относился отрицательно и критически, оставляя за собой право оцѣнки и противленія. Это значить, что онъ все время допускалъ возможность творческаго перерожденія церковной и государственной жизни. Въ дальнѣйшемъ славянофилы не шли по этому пути и потому пришли къ омертвѣнію и разложенію. Но въ нѣкоторыхъ идеяхъ и настроеніяхъ Хомякова заложены были иныя возможности. Отецъ П. Флоренскій хочетъ окончательно утвердиться на мистичности факта, данности и сложить съ себя бремя отвѣтственности за творческое движеніе въ церкви. Онъ хочетъ все получить извинѣ, отъ другихъ и другого, лишь за одно свое смиреніе и послушаніе. Для него мистична не свобода, а необходимость, принудительность, мистично не имманентное человѣку, а трансцендентное ему. Отецъ Флоренскій незамѣтно смѣшиваетъ мистику съ вещнымъ магізмомъ, духовное подмѣняетъ душевно-тѣлеснымъ. Отъ подлинной же мистики, которая всегда имманентна, далека и отецъ П. Флоренскій и Хомяковъ, хотя и по-разному.

III.

Хомяковъ проповѣдывалъ православіе, какъ идею. Не безъ основанія возражали ему, что въ православіи у него все оказывается хорошо, потому что онъ всегда имѣетъ въ виду идеальное православіе, въ ка-

толичество же слишком многое плохо, потому что онъ всегда имѣеть въ виду фактическое католичество. У замѣчательнаго католическаго богослова Мёлера была идеальная концепція католической церкви, какъ свободнаго единства въ любви, съ которой очень была схожа хомяковская концепція церкви ¹⁾. Мёлеръ и Хомяковъ одинаково раскрывали вѣчную сущность Вселенской Церкви. Но это не мѣшало Хомякову быть бытовымъ православнымъ въ самомъ непосредственномъ и простомъ смыслѣ этого слова. Онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ себя пребывающимъ не только въ нѣдрахъ православной церкви, но и въ ея бытовыхъ оболочкахъ. Свою идею православія онъ проповѣдывалъ изнутри, какъ динамику жизни въ самомъ православіи. Отецъ П. Флоренскій представляетъ прямую противоположность Хомякову. Онъ проповѣдуетъ православіе, какъ фактъ, какъ данность. Но въ немъ чувствуется не столько фактъ православія, сколько идея этого факта, очень сложная и совсѣмъ не непосредственная конструкція православія, какъ факта, передъ которымъ должно склониться. Отецъ П. Флоренскій по истокамъ своимъ совсѣмъ не бытовой православный, не простой и не непосредственный православный, подобно Хомякову; онъ все обращается въ православіе, какъ во что-то для него трансцендентное и далекое. Отецъ П. Флоренскій—стилизаторъ православія, эстетизирующий православный бытъ до мелочей. Все время чувствуется, что онъ рагвеніе въ православіи, и именно потому-то онъ и хочетъ быть православнѣе самаго православія. Это производитъ столь же непріятное впечатлѣніе, какъ и усердіе рагвеніе на вышихъ бюрократическихъ постахъ. Эстетство въ реконструированіи бытового православія всегда бываетъ очень антиэстетично. Такія построенія, какъ у отца П. Флоренскаго, связаны съ эстетико-мистическимъ любованіемъ и смакованіемъ, свойственнымъ упадочности, въ нихъ чувствуется огромная усталость. Къ факту православія, какъ непосредственной жизни, былъ ближе Хомяковъ. Отецъ Флоренскій же живетъ идеей факта, его вторичнымъ, эстетическимъ отраженіемъ. Хомяковъ могъ позволить себѣ утверждать идею православія, ставить задачи православію, потому что былъ творческимъ участникомъ въ жизни православія. Отецъ Флоренскій же на творческое участіе неспособенъ. Фактъ онъ беретъ статически, а не динамически, и любитъся имъ эстетически, какъ усталый упадочникъ. Онъ такъ же неспособенъ на творческую жизнь внутри церкви, какъ неспособенъ былъ на нее Гюисмансъ. Но онъ не обладаетъ искренностью послѣдняго и достаточно хорошимъ вкусомъ и потому сбивается на проповѣдничество. Онъ—человѣкъ реставраціи, со всей усложненностью

¹⁾ См. превосходную книгу Georges Goyau „Moehler“, въ серіи „La pensée chrétienne“.

реставраціонной мысли. Онъ отравленъ ядами, порожденными сложными счѣтами съ самимъ собой. И то, что порождается его бѣгствомъ отъ самого себя, онъ дѣлаетъ предметомъ проповѣди для другихъ ¹⁾. Онъ долженъ былъ бы остаться субъективнымъ писателемъ, и переходъ къ учительству есть его паденіе.

Отношеніе отца П. Флоренскаго къ церкви есть отношеніе раба, полного страховъ и ужасовъ. Но этотъ рабій страхъ и есть величайшая отравка нашей церковной жизни. И ни въ чемъ такъ не нуждается наша церковная жизнь, какъ въ появленіи людей высшаго религіознаго достоинства и высшей религіозной свободы. Холопство уже довело русскую церковь до страшнаго униженія. Отецъ Флоренскій хотѣлъ бы мистически оправдать и укрѣпить состояніе ползучести. На всей концепціи его лежитъ печать духовнаго плебейства. Религія Христа для него религія послушанія, а не религія любви. И духа Христова, интимнаго чувства Христа нельзя найти ни въ одной его строчкѣ. Онъ больше вѣритъ въ антихриста и пугаетъ имъ себя и другихъ. Хомяковъ же былъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ людей, какихъ только знала исторія русской мысли ²⁾. Онъ не былъ эстетомъ, но образъ его эстетически прекрасенъ. Въ Хомяковѣ очень развито было чувство человѣческаго достоинства, человѣческой чести. Мысли Хомякова о православіи въ высшемъ смыслѣ этого слова господскія, а не рабскія мысли. Какъ истинный, благородный и полный достоинства господинъ въ царствѣ духа, онъ не могъ унизиться до мистическаго оправданія пресмыкательства. Въ отцѣ П. Флоренскомъ нѣтъ никакихъ признаковъ чувства достоинства человѣка, какъ господина, а не раба. Нѣтъ въ немъ и того особеннаго чувства достоинства священника, пастыря церкви, которое не можетъ мириться съ униженіемъ церкви. Онъ слишкомъ занятъ самоспасеніемъ. Господинъ, какъ духовная категорія,—не рабовладѣлецъ, а свободный, самоуправляющійся, имманентистъ въ отношеніи къ своей святынѣ, творецъ въ религіозной жизни, іерархически зрѣлый. Въ отцѣ Флоренскомъ же чувствуются вѣка гнета и покорности, приспособленія къ рабскому состоянію, страхи передъ собственными и чужими рабскими бунтами. Отецъ Флоренскій открываетъ въ Хомяковѣ опасный уклонъ къ имманентизму. Но это и есть въ немъ уклонъ къ религіозной свободѣ, не до конца доведенный. Имманентизмъ, глубоко продуманный, и есть религія свободы и свободныхъ. Трансцендентизмъ же есть религія необходимости. Великая духовная реформа, которая нужна Россіи, какъ спасеніе, и въ ея церковной и въ ея государственной жизни, и будетъ углубленнымъ переходомъ къ имманентизму, къ

¹⁾ Все это очень чувствуется, когда читаешь его замѣчательную въ своемъ родѣ книгу „Столпъ и утвержденіе истины“.

²⁾ См. характеристику личности Хомякова въ моей монографіи „А. С. Хомяковъ“. Изд. „Путь“, 1912 г.

радикальному сознанию творческаго призванія и господскаго достоинства человѣка.

На почвѣ настроеній и идей, поддерживаемыхъ отцомъ Флоренскимъ, наша церковь и государство дошли до униженій и гнилыхъ процессовъ въ ихъ видимыхъ оболочкахъ. „Онтологизмъ“ отца Флоренскаго, нынѣ модный въ извѣстныхъ кругахъ, есть укрѣпленіе всякой статической данности и отрицаніе всякихъ творческихъ заданій, всякой динамики. Отецъ П. Флоренскій летитъ по наклонной плоскости и договаривается вотъ до чего: „Русскіе цари самодержавны потому, полагаетъ онъ (Хомяковъ), что таковою властію одарилъ ихъ русскій народъ послѣ Смутнаго времени. Слѣдовательно, не народъ—дѣти отъ Царя-отца, но отецъ-царь—отъ дѣтей-народа. Слѣдовательно, Самодержецъ есть самодержецъ не „Божіею милостію“, а народною волею. Слѣдовательно, не потому народъ призвалъ Романовыхъ на престолъ царскій, что въ часъ просвѣтленія узрѣлъ свершившееся опредѣленіе воли Божіей, почувалъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ *уже* получилъ отъ Бога вѣнецъ царскій, а потому избралъ, что такъ заблагоразсудилъ наибудобнѣйшимъ для себя—даровать Михаилу Ѳеодоровичу власть надъ Русью,—однимъ словомъ, не сыскалъ своего царя, а сдѣлалъ себѣ царя. И первый Романовъ не потому возсѣлъ на престолъ, что Богъ посадилъ его туда, а потому, что вступилъ въ „договоръ съ народомъ“. Слѣдовательно, приходится заключить далѣе, что „сущія власти“ не „отъ Бога учинены суть“, но отъ *contrat social*; не Божіе изволеніе, а *suffrage universelle* держитъ престолъ, по смыслу Хомяковскаго ученія“ (стр. 538). Отецъ П. Флоренскій, вѣроятно, не сознаетъ, какъ страшно отвѣтственны эти мысли въ тотъ историческій часъ, который переживаетъ Россія. Въ немъ слишкомъ чувствуется эстетическое любованіе собственнымъ „черносотеннымъ“ радикализмомъ, не удовлетворяющимъ самодержавіемъ славянофиловъ. Онъ—человѣкъ тепличный, виѣобщественный и антиобщественный, и онъ болѣе безотвѣтственъ, чѣмъ это допустимо для священника. Мышленіе отца Флоренскаго, довольно утонченное и усложненное въ своей сферѣ, въ чуждой ему сферѣ общественной и государственной совершенно элементарно, примитивно и упрощенно. Онъ ничего не знаетъ въ этой области и ничего не испыталъ. И ему остается умышленно стремиться къ примитивизму. Но въ этомъ ядовитомъ, надуманномъ примитивизмѣ есть что-то отвратительное. Слишкомъ много ужаса и страданія связано съ тѣмъ, чѣмъ въ тиши эстетически забавляется отецъ Флоренскій. Ясно, что ему не по пути съ Хомяковымъ. Хомяковъ былъ въ сущности либераломъ и демократомъ съ народнической и антигосударственной окраской. Идею самодержавія онъ утверждалъ лишь въ силу исторической обстановки. Положительный паеосъ его былъ связанъ съ свободнымъ обществомъ, основаннымъ на любви.

Въ наше время онъ былъ бы инымъ. Наше время обязываетъ къ сложной общественной мысли. И никто не имѣетъ права позволить себѣ такой примитивизмъ, какъ отецъ Флоренскій, въ этомъ нѣтъ настоящей серьезности.

IV.

Православію предстоитъ рѣшить вопросъ объ отношеніи къ гуманизму, къ человѣку, къ его творчеству, къ его свободѣ, къ его активности, къ смыслу человѣческой культуры. Передъ рѣшеніемъ этого вопроса православная церковь нынѣ катастрофически поставлена. Вопросъ этотъ по-иному стоитъ и передъ католичествомъ. Вся грядущая жизнь христіанской церкви зависитъ отъ свободного раскрытія въ ней человѣческой стихіи, человѣческой активности. Гуманизмъ долженъ быть введенъ изнутри, имманентно въ религіозное русло. Это—вопросъ жизни или смерти и для церковнаго человѣчества и для человѣчества внѣцерковнаго, такъ какъ одинаково разлагается и религіозный антигуманизмъ и антирелигіозный гуманизмъ. Протестантизмъ не только не рѣшилъ, но и не поставилъ этого вопроса, онъ—не антропологиченъ и не динамиченъ по своему религіозному принципу ¹⁾. У Лютера былъ даже моноизитскій уклонъ къ отрицанію самостоятельности человѣческой природы. Вообще нужно признать, что германскій имманентизмъ всегда имѣетъ уклонъ къ моноизитству, къ поглощенію человѣка и человѣческаго въ божественномъ всеединствѣ. И великая религіозная реформа, которая должна совершиться, совсѣмъ не будетъ протестантской реформацией,—она будетъ и болѣе радикальной, болѣе творческой, и болѣе связанной съ преданіемъ церкви, менѣе отрицательной. Германское моноизитство не есть единственная форма религіозной имманентности. Внутренній религіозный сдвигъ потому уже не будетъ протестантскимъ, что въ немъ откровеніе о человѣкѣ будетъ связано съ откровеніемъ о космосѣ, т.-е. христіанство станетъ и болѣе антропологичнымъ и болѣе космичнымъ.

Самое слабое мѣсто у Хомякова было въ его отношеніи къ космосу.

Возраженія, которыя дѣлаетъ отецъ П. Флоренскій противъ ученія Хомякова о таинствахъ, не отличаются оригинальностью: они цѣликомъ взяты изъ арсенала католическаго богословія. Въ Хомяковѣ была ограниченность, на которую я указывалъ въ своей книгѣ о немъ. Указывалъ я и на то, что въ ученіи о таинствахъ у Хомякова былъ уклонъ

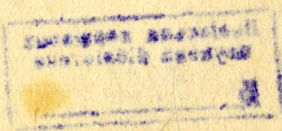
¹⁾ Католики-модернисты основательно обвиняютъ протестантизмъ въ отрицаніи всего историческаго развитія церкви, т.-е. видятъ въ немъ желаніе вернуться къ первоначальной чистотѣ. См. А. Loisy. „L'Evangile et l'Eglise“.

къ протестантизму, преобладаніе момента субъективно-духовнаго и моральнаго надъ объективно-космическимъ ¹⁾. Хомяковъ не былъ обращенъ къ раскрытію тайнъ космической жизни и въ этомъ не стоитъ на высотѣ современныхъ задачъ религіознаго познанія. Но нужно сказать, что и въ нашемъ традиціонномъ православномъ быту, и въ нашемъ традиціонномъ православномъ богословіи не очень открывались космическія тайны христіанства, тайны Божія творенія, съ которыми связаны таинства церкви. Въ этомъ отношеніи Вл. Соловьевъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ Хомяковымъ. Мы же должны идти дальше и Хомякова и Вл. Соловьева. Новое откровеніе должно быть исполненіемъ обѣтованій и пророчествъ, и начинъ его можетъ взять на себя лишь самъ человѣкъ. Оно не придетъ извнѣ. Его нельзя ждать, ибо ожиданіе рискуетъ превратиться въ плохую безконечность. Отецъ П. Флоренскій и ему подобные подавлены и раздавлены идеей святости. Всякій творческій и религіозный порывъ пресѣкается требованіемъ предварительнаго осуществленія въ личной жизни совершеннаго православія и святости. Такая настроенность очень характерна для религіозной усталости. Вся творческая жизнь церкви въ прошломъ никогда не осуществлялась такими путями. Это—упадочное настроеніе, выраженіе религіозной немощи; оно обрекаетъ на пассивную зависть къ былымъ религіознымъ эпохамъ, къ старой святости. Дерзновеніе творческаго почина всегда было достиженіемъ большаго религіознаго совершенства. Образамъ пророчества принадлежитъ не меньшее мѣсто въ религіозной жизни, чѣмъ образамъ святости. И мы должны бороться съ упадочными и реставраціонными теченіями и настроеніями во имя динамики жизни въ церкви. Въ этихъ современныхъ теченіяхъ и настроеніяхъ нельзя не видѣть отреченія и измѣны пророческому духу русской литературы,

¹⁾ „Изъ страха католическаго магізма Хомяковъ впадаетъ временами въ протестантскій морализмъ. Таинства пріобрѣтаютъ у него болѣе духовно-моральный, чѣмъ космическій смыслъ. Религіозное сознаніе Хомякова раскрываетъ по преимуществу тѣ стороны таинствъ, которыя связаны съ духовнымъ возрожденіемъ, и для него почти закрыты другія стороны, которыя связаны съ космическимъ преображеніемъ. Что въ раскрытіи космической природы таинствъ раскрывается тайна Божьяго творенія,—этого не предчувствуетъ Хомяковъ, это чуждо его сознанію... Хомяковъ даже боялся подчеркивать объективно-космическую природу таинствъ, такъ какъ боялся того уклона къ языческой магіи, въ которомъ всегда обвинялъ католичество. Но слишкомъ большой протестъ противъ католичества легко ведетъ къ протестантизму. Ему казалось православіе, вѣрнѣе подчеркивать субъективно-духовную сторону таинствъ. Тутъ, быть можетъ, сказалась недостаточная чуткость Хомякова къ мистической сторонѣ христіанства. Космическая мистерія не стоитъ въ центрѣ Хомяковскаго пониманія христіанства“. Н. Бердяевъ. А. С. Хомяковъ, стр. 110—111. Отецъ П. Флоренскій нынѣ говоритъ то же самое въ болѣе схоластической формѣ. И я думаю, что въ вопросѣ о таинствахъ онъ болѣе правъ, чѣмъ Хомяковъ.

русской мысли, русских религиозных исканий. Торжество отца П. Флоренского было бы крахом русской идеи, которую она призвана нести въ міръ. Отецъ Флоренскій явно вступаетъ на путь Великаго Инквизитора. „Мы не съ тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна!“ Тайна эта и есть отрицаніе религиозной свободы. Священническая ряса и смиренно опущенные внизъ взоры не спасутъ отъ разоблаченія этой антихристiанской тайны. Онъ въ глубинѣ сердца своего отрекся отъ тайны Христа: „Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобой, прельщенный и плѣненный Тобой. Въмѣсто твердаго древняго закона,—свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою“. И нужно признать большой заслугой отца П. Флоренского, что онъ ясно ставитъ передъ русскимъ религиознымъ сознаниемъ выборъ двухъ путей.

Николай Бердяевъ.

Переписка двухъ славянофиловъ ¹⁾.

Сообщила О. В. Покровская-Ламанская.

Съ примѣчаніями проф. Н. В. Ястребова.

В. И. Ламанскій—И. С. Аксакову.

[30 ноября 1861 года. Петербургъ.]

Пользуясь отъѣздомъ Кошелева, пишу Вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, нѣсколько строкъ. Знаете, меня недавно положительно увѣрили, будто Б. оказался шпиономъ, полякомъ Бениславскимъ. Но что значить это имя въ программѣ Павлова?—Въ *Колоколѣ* помѣщена статья Герцена студентамъ — Исполнѣт просыпается... Читая извѣстія о студенческой исторіи, я готовъ былъ плакать... Благословляю Васъ... и т. д. Ждите себѣ замѣчаній отъ него и за студентовъ, и за Поляковъ. Знаете: одинъ студентъ (изъ кружка *Основы*) говорилъ недавно моему брату-студенту: „неужели это Вашъ братъ писалъ въ *Днѣ*, я не хочу вѣрить, чтобы онъ такъ искренно думалъ, это конечно по увлеченію“. Вотъ народецъ-то. Сегодня вышла *Основа*, еще не видалъ. Но поздно...

Вашъ

В. Ламанскій.

30 ноября.

И. С. Аксаковъ—В. И. Ламанскому.

[Декабрь 1861 года. Москва.]

Что это съ Вами творится, любезнѣйшій Владиміръ Ивановичъ? Столѣтъ не имѣю отъ Васъ никакого отзыва. Статью что ли Вы пишете? Будете ли отвѣчать Чернышевскому? Мнѣ писать некогда, обнимаю Васъ и прошу это письмо переслать по городской почтѣ Кояловичу; онъ перемѣнилъ квартиру, а адресъ я забылъ.

Статьи 8, 9, 10 и 11 № направлены противъ заготовленныхъ дво-

¹⁾ См. *Русская Мысль*, 1916 г., кн. IX, XII.

(20k)

0,24 (1986)

5952

1.25p.

Р/ 5952_у

Н. Бердяевъ.

Идеи и жизнь